

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ ПОСТОСМАНСКОЙ СИРИИ И ОСОБЕННОСТИ ЕГО САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

Р.П. Ранчинский

Брянский государственный университет
ул. Бежицкая, 14, Брянск, Россия, 241036

Статья посвящена изучению этноконфессиональной структуры населения постосманской Сирии и факторам, влияющим на эту структуру.

В ходе Первой мировой войны, в 1915 г. арабские провинции Османской империи были поделены между Англией и Францией по известному соглашению Сайкса-Пико на зоны контроля. В то же время Англия, ведшая неудачные боевые действия против турок на синайском и месопотамском фронтах, с согласия Франции подбивала шерифа Мекки Хусейна аль-Хашими на восстание против турецкого султана, и в 1916 г. он начал «арабскую революцию». Хусейну была обещана поддержка в создании единого арабского государства, в которое должны были войти уже поделенные великими державами земли Великой Сирии — области от линии Антакьи — Халеба-Евфрата — на севере, до линии Газа — Акаба-Табук — на юге [1. С. 116]. Однако сразу после разгрома турецких войск и освобождения земель Великой Сирии обещания, данные Хусейну, были забыты, и под его контролем осталась лишь страна Хиджаз. Земли же Великой Сирии были поделены между Англией и Францией. После взаимных территориальных уступок в 1922 г. решением Лиги Наций за двумя державами были закреплены мандаты на управление ими. Англия получила часть южных земель Великой Сирии, на которых была создана Трансиордания, а также Палестину, Франция — те, которые составляют территорию современных государств Сирии и Ливана (в 1938—1939 гг. Франция под нажимом Англии передала Турции Александреттский санджак подмандатной Сирии). Под контроль Франции перешло население, в памяти которого не прочитывался собственный государственный текст истории, так как за века османского владычества он был либо стерт, либо глубоко упрятан. После развала империи население Сирии оказалось не готовым к созданию собственной

государственности. Оно легко было отстранено от государственного строительства, которым занялась внешняя сила — Франция. Она стала поддерживать автономистские настроения отдельных этноконфессиональных общин. Вместе с тем в сознании политической и интеллектуальной элиты этих общин сохранились некие критерии не только локальной, но и цивилизационной идентичности, которые в конце 20—30-х гг. стали широко пропагандироваться сирийскими националистами с целью консолидации населения страны. Таким образом представляется важным рассмотреть этноконфессиональную структуру населения постосманской Сирии, факторы его разъединяющие и объединяющие.

Область, которую определяли топонимом Великая Сирия, не имела четких, фиксированных границ, так как в прошлом на этих землях, в ее пределах не существовало государства под таким названием. Содержание более узкого топонима — Сирия также даже в начале XX в. определялось позицией того или иного исследователя, писавшего об этой стране [2. С. 6—7]. Ее населяли арабы и евреи, считавшие себя насельниками этих земель, а также пришлые народы, такие как курды, греки, армяне, туркмены и ассирийцы с персами. Во второй половине XIX в. на землях Великой Сирии, входившей в состав Османской империи, оттоманские власти начали расселять мусульман-переселенцев из пределов Российской империи и балканских стран. В результате к началу XX в. сформировалась довольно значительная диаспора тех, кого на Арабском Востоке стали называть черкесами или мухаджирами (изгнанниками — *В.Р.*). В этой этнической мозаике среди городского населения имелись также вкрапления цыган и натурализованных европейцев.

По вероисповеданию население распадалось более чем на два десятка больших и малых конфессий, принадлежащих и примыкающих как к мировым религиям — иудаизму, христианству и исламу, так и к сектам религиозных маргиналов, отошедших в разное время от иудаизма, ислама, либо сохранивших приверженность старым верованиям, манихейству или мандеизму. Таким образом, в то время как для народов Европы, объединявшихся в политические нации-государства, было присуще этническое или религиозное родство, для населения земель, вошедших в современную Сирию, эти признаки являлись разъединяющими. В этом заключается специфичность процесса формирования сирийской государственности, которую можно рассмотреть через призму двух логических модусов: через логику сходства и логику субъектной идентичности. Логика сходства может быть выявлена при помощи анализа социокультурных, исторических характеристик населения, в то время как логика субъектной идентичности раскрывается при изучении черт этнической, религиозной и культурной идентичности, которые имманентны населению и стали неотъемлемой частью его массового сознания.

Социокультурная и историческая особенность Сирии состояла в том, что народы, ее населяющие, несмотря на века совместного бытия, так и не создали единого экономического и политического ландшафта. Поначалу регион был ареалом влияния могучих цивилизаций древности, культурное наследие которых осталось не только и не столько в памятниках материальной культуры, сколько в виде идей, преданий, мешанины рационального с иррациональным. Затем последовал

пассионарный толчок иудаизма и движений великих мистиков. Наряду с этим на область Великой Сирии накатывались волны зороастризма и манихейства. Около двух тысяч лет тому назад иудаизм стало теснить христианство, а в 632 г. здесь появились арабы, принесшие с собой ислам. Около трех веков три великих религии, являющиеся ядрами цивилизаций, соперничали друг с другом, борясь за умы людей [3. С. 19—26]. Формальное лидерство досталось исламу, ставшему господствующим и поведшим за собой большинство населения страны. Однако продолжали сохранять стоическую приверженность «вере отцов» не только иудеи и христиане, но и приверженцы домировых религиозных верований. Кроме того, сосуществование трех великих религий, не исчезавшие движения мистиков с неизбежностью должны были породить и породили маргинальные религиозные системы, каковыми стали караимизм или караититизм, друзизм, алауизм и ези-дизм. Наряду с формированием общин маргиналов три великих религии также стали дробиться.

Иудейская община Сирии (здесь и далее статические материалы относятся к населению земель, вошедших в состав подмандатной Сирии) к началу 20-х гг. XX в. насчитывала примерно 26 000 человек [2. С. 130]. В религиозном отношении абсолютное большинство ее принадлежало к раввинистам — последователям ортодоксального иудаизма или талмудизма, остальные — к секте караитов, численность которой на территории Сирии была незначительна. С точки зрения обыденного сознания евреи делились на сафардскую восточную (в Сирии их называли мустаариба — арабоязычные) и ашкеназскую европейскую общины [4. С. 35]. В отличие от Палестины, где к этому времени стали преобладать ашкенази, в Сирии их численность была незначительной. Особняком держались потомки ромеев — византийские евреи, которые подверглись сильному отурчиванию и перешли в ислам, так называемые «дунмэ», которые тем не менее не порвали окончательно с иудаизмом и в большинстве своем в тайне его исповедовали. Как только Османская империя развалилась, они стали возвращаться в иудаизм.

Христиане Сирии с точки зрения христологии делились на последователей халкидонских и нехалкидонских церквей. К халкидонским церквам принадлежали Антиохийская, Иерусалимская и Сирийская греческая, а также часть паствы Ассирийской церкви Востока. Конгрегацию нехалкидонских церквей составили Армяно-григорианская, Яковитская и Коптская (египетская). Притом нехалкидонские церкви в ходе христологических споров разделились на несториан и монофизитов. К первым относилась Ассирийская церковь Востока, от которой в 1553 г. откололись сторонники унии с Римско-католической церковью, образовавшие Халдейскую или Сирохалдейскую церковь [5. С. 309]. Ко вторым относились Коптская, Яковитская и Армяно-григорианская церкви, среди которых самые многочисленные приходы на территории Сирии имела последняя.

В разное время от большинства перечисленных ортодоксальных церквей Востока откололись униаты, или, как их называют в арабской историографии, латиняне, или романо-католики. В конгрегацию этих церквей вошли сиро-католики, или сиряки, греко-католики, или малькиты, марониты, католики-халдеи и часть

коптов. Каждая из католических церквей управлялась своими архиепископами. Вместе с тем все они были объединены в единую епархию — викариат, возглавляемый кардиналом, назначаемым Папой с согласия архиепископов.

Благодаря деятельности религиозных миссий западных держав и США на территории Сирии возникли и реформаторские церкви, такие как Протестантская, Лютеранская, Пресвитерианская и Евангелистическая. В результате при общей численности христиан в 550 000 человек [2. С. 69] они оказались разведенными между различными церквями, отношения которых характеризовались взаимной отчужденностью, а подчас, и враждой. Стремление к единению, как правило, возникало лишь в периоды гонений на христиан.

Этнический состав христиан характеризовался такой же пестротой как и религиозные пристрастия. Самую многочисленную этническую общность христиан составляли армяне, входившие в армянские церкви — ортодоксальную и католическую. Далее шли греки, абсолютное большинство которых входило в Сирийскую греческую церковь, а остальные — были греко-католиками. Все ассирийцы входили в Ассирийскую церковь Востока. Арабы составляли паству Антиохийской, Иерусалимской и Коптской церквей.

Мусульмане Сирии, составлявшие чуть более 2000000 человек или от 77 до 75,4% населения страны [2. С. 34], внешне представляли собой единую общину — умму, объединенную в отличие от христиан не только единством Священного Писания, но и шариатом, многих норм адата, в частности в области семейно-брачных отношений. Общность ряда норм обыденного права, несмотря на этническую гетерогенность уммы, утвердилась благодаря Сунне, священность хадисов которой при всех спорах между суннитами и шиитами признавалась наравне с Кораном всеми этническими общностями, входящими в умму.

Говоря о религиозном единстве уммы, следует иметь в виду, что оно проявлялось лишь по отношению к внешнему миру — христианскому Западу. Внутренняя солидарность уммы Сирии ослаблялась целым рядом факторов. Кроме сложившейся из списка сторонников рода двоюродного брата и зятя Пророка Мухаммада Али ибн Абу Талиба группировки, оформившейся к концу VII в. в мощное течение, расколовшее ислам на суннитов и шиитов, от каждого из этих течений отпочковались разного рода секты, обособившиеся внутри уммы. Поэтому, говоря о мусульманах Сирии начала XX в., необходимо иметь в виду, какой ислам та или иная общность исповедовала. Большинство уммы придерживалось ислама суннитского толка. Но сами сунниты распадались на ортодоксов, кичившихся своим благочестием и святостью, и сторонников суфизма — народного течения ислама. К началу XX в. суфийские тарикаты утратили былое влияние и представляли собой религиозно-мистические ложи сирийских городов. Исключение составляли, на наш взгляд, город Хама, в котором религиозные братства сохранили свои структуры и влияние, и в некоторой степени Халеб.

Особняком стояла та часть общины суннитов, которая была представлена бедуинами-кочевниками. Образ жизни, вид хозяйства и строгая природная цикличность делали их весьма обособленными не только от оседлого населения, но и от ортодоксального ислама. Невозможность оставить скот для совершения

хаджа, отсутствие воды для омовения, денег — для милостыни, мечетей — для отправления культа, скудность пищи, влекущая постоянный, круглогодичный пост большинства кочевников, побуждали их трактовать основные догматы ислама весьма вольно, подстраивая их под свой жизненный уклад и тип хозяйства.

Шииты Сирии были разделены на две неравные по численности секты: имамитов и исмаилитов, каждая из которых в свою очередь распадалась на школы, разряды — степени посвященности в таинства доктрины (исмаилиты, например). Помимо разрозненности по признаку особенностей вероучения, во времена османские умма была разъединена также в административно-территориальном и экономическом плане на четыре части. В силу особенностей исторического развития Сирии, ландшафтных и климатических особенностей ее отдельных областей, ориентации хозяйства в каждой из них сложились и сохранились к началу XX в. автаркные экономические зоны: южная, ядром которой был Дамаск; северная, с центром в Халебе; центральная, в которой роль центра периодически переходила то к Хомсу, то к Хаме; северо-восточная, или Джазира, вошедшая в состав Сирии после распада Османской империи.

Помимо арабов, составлявших по минимальным оценкам 83,7% уммы, остальная ее часть была представлена национальными меньшинствами, в том числе курдами (2,4%), черкесами (2,4%), туркменами (7,3%), турками (4,2%) [2. С. 48]. Диаспора последних к середине 20-х гг. XX в. несколько уменьшилась, а в конце 30-х, в связи с передачей Францией Александреттского санджака Турции неарабизированные турки остались на территории Сирии в виде малочисленных вкраплений в ее этническую карту северных санджаков. Они перестали играть сколь-нибудь значимую роль в жизни общества и поэтому исчезнут в расчетах исследователей и статистических органов.

Таким образом, будучи до распада Османской империи титульной конфессией страны, умма являлась внутренне гетерогенной как и другие конфессии Сирии.

Конфессии религиозных маргиналов столь далеко отошли от вероучений, от которых когда-то отпочковались, что в религиозном и культовом плане представляли самобытные общности. Их замкнутость, закапсулированность была столь существенной, что алавитов, например, многие исследователи считали не только самостоятельной, религиозной, но и национальной общностью.

Самой крупной по численности своих адептов была община алавитов, насчитывавшая примерно 113—120 тыс. человек или от 5,5 до 5,6% населения страны. Половина алавитов проживала в области Латакия, именуемой в народе «страной алавитов», а вторая — в Александреттском санджаке [6. С. 23]. После передачи Александреттского санджака Турции абсолютное большинство алавитов переселилось в Сирию, в том числе и в крупные города. Таким образом существенно сельская община к концу 30-х гг. обрела и городскую диаспору.

Друзы как и алавиты в начале XX в. проживали компактно в горном районе Джабель-друз провинции Хауран. Численность их общины на территории Сирии составляла примерно 80 тыс. человек, 3,1% от максимума или 3,9% от минимума населения страны [7. С. 210]. Своими кровнородственными узами дру-

зы Сирии были связаны со своими единоверцами, проживавшими в Ливане и Трансиордании. С этносами и конфессиями земель, вошедших в подмандатную Сирию, даже торгово-экономические связи не сложились в силу неразвитости путей сообщения.

Еще более замкнутой и обособленной, чем алавитская и друзская, была община езидов, которых не только мусульмане, но и алавиты с друзьями считали представителями злых, темных сил природы. Езидами Сирии являлись отдельные курдские племена, занимавшие окраинные, слабо обжитые земли. Даже среди своих соплеменников курдов, являвшихся наиболее бедной частью населения Сирии, они стояли на самой низкой ступени социальной лестницы и числились нищими или почти таковыми, темными и забытыми. Нищета дополнялась презрительным отношением к ним со стороны всех других этносов и конфессий Сирии. Достоверными сведениями о численности езидов Сирии мы не располагаем, да и навряд ли они существуют в силу приграничной зоны их проживания. Косвенные подсчеты позволяют выйти на цифру 3—5 тыс. человек [2. С. 82] или максимум 0,2% населения страны.

Подсчеты численности секты караимов, или караитов, Сирии столь осложнены, а их роль в жизни обществ Сирии была столь незаметна, что, как правило, исследователи если и отмечают их наличие как маргинальной общности, то в общественно-политической жизни не учитывают. Такой подход, на наш взгляд, имеет право быть, так как по отношению к этносам и конфессиям Сирии еврейская община всегда выступала солидарно, вне зависимости от деления на раввинистов и караимов.

Специфику самосознания населения Сирии можно рассмотреть в двух логических модусах: логики субъектности и логики сходства. Логика субъектности предполагает выявление тех черт этнической, культурной, религиозной и иной локальной идентичности личности, которые заявляли о себе и являлись составной частью самосознания отдельных этноконфессиональных групп населения страны. Логика сходства объясняет то осознаваемое населением Сирии чаще на уровне подсознания явление, которое позволяло ему заявить: «Мы сирийцы!», дало возможность отдельным сообществам в XX в. преодолеть фрагментарность и стать на путь создания сирийской государственности. Эта логика может быть выявлена при учете социокультурных, исторических характеристик той страны, которая называлась Великой Сирией.

Локальная идентичность населения Сирии была обусловлена рядом факторов, среди которых наиболее важным, на наш взгляд, являлась несформированность национального самосознания титульного этноса — арабов, забвение ими признаков своей национальной идентичности. Практически со времен третьего праведного халифа Усмана ибн Аффана (644—656 гг.) в халифате утвердился религиозный принцип ранжирования подданных, который сохранился и при Османах. В результате арабское национальное чувство уснуло на века, и его стала пробуждать сирийская интеллигенция лишь в начале XX в. как альтернативу внедрявшейся в империю после младотурецкой революции идеологии пантюркизма. Однако процесс возрождения национального самосознания арабов растянулся

по меньшей мере на полтора — два десятилетия, что весьма осложняло борьбу за создание независимого сирийского государства.

Возрождению этнической идентичности арабов способствовало обращение к своей истории, поначалу персонифицированной в тех или иных религиозных, политических, культурных деятелях. В этой связи появление любого значимого политического деятеля — современника вызывало прилив надежд, завышенных ожиданий. Для арабов в середине 10-х гг. XX в. таким стал шериф Макки Хусейн аль-Хашими, с которым связывались надежды на создание единого арабского государства-халифата.

Продолжала сохраняться и религиозная — исламская компонента национального самосознания, которая после перехода Сирии под французский мандат обрела оттенок «обиженного» самосознания, в силу того что ислам перестал быть государственной религией.

В то время как религиозное самосознание мусульман трансформировалось после установления мандата в «обиженное», другие немусульманские конфессии освобождались от комплекса второсортности, от «обиженного» самосознания.

Важным содержанием локальной идентичности населения Сирии являлась среда обитания, малая Родина. Так, например, для друзов это был район Джабель-друз, для православных греков — провинция Хауран, для алавитов — область Латакия, для бедуинов — зоны пустынь и их окраины и так далее.

Не менее значимым признаком локальной идентичности был уклад жизни, известный человеку данной общности до мельчайших подробностей. Перемещение его в иную социальную среду с другим укладом тут же порождало чувство дискомфорта, настороженности и тревоги.

Составной частью локальной идентичности населения Сирии являлись представления отдельных этносов и конфессий о своем сходстве и отличиях от других групп, своих некоторых положительных качествах (толерантность, взаимопомощь, верность семье, роду и т.п.), диалектальных особенностях, которые воспринимались в качестве языковой нормы, отсутствие которой у другой локальной группы могло вызывать насмешки, расценивалось как искажение языка.

Одной из опор локального сознания являлись «свои», святые, праведники, мученики, святыни, бережно оберегаемые и чтимые.

Наряду с факторами локальной идентичности, разъединяющими население Сирии, были также цивилизационные факторы, объединяющие его. Они были подмечены еще римскими историками. Эрнест Ренан, французский историк, крупнейший специалист по истории раннего христианства, не опровергая мнение Цицерона, считавшего сирийцев и иудеев «нациями, созданными для рабства» [8. С. 193], ссылаясь на известных римских историков, выделил ряд существенных черт, отличавших сирийцев от двух других рас — господ конца старой — начала новой эры — греческой и латинской. Среди них предпочтение сирийцами смирения протесту, которое в обществах построенных на неравенстве и презрении высшими слоями низших, победило римскую спесь и греческую мудрость [8. С. 196]. Он писал, что в сирийцах нет ни спеси, ни философского равнодушия европейцев. Свойством их натуры является кроткость, мягкость

в обращении и доброта. Не знавшие политической жизни сирийцы тем легче отдавались всякому религиозному движению. Их природной чертой является, с одной стороны, склонность к мелким аферам, а, с другой, готовность помогать соотечественникам. Простой сириец, лишенный здравого смысла вне сферы своей профессиональной деятельности, возмещает недостаток ума пылкостью, женской обольстительностью, любовью к родным и близким, обеспечивающей их удивительное единение [8. С. 195—196]. В последующие два тысячелетия цивилизационный ландшафт Сирии сильно изменился. Здесь взаимодействовали три великих мировых религии; иудаизм, христианство и ислам, последовательно оттеснявшие друг друга. Кроме того, этот регион обжигали идеи зороастризма и манихейства, движения великих мистиков, культурное наследие могучих цивилизаций древности. Сложившийся к началу XX в. местный человеческий субстрат не представлял собой явное цивилизационное единство, а скорее сокрытый от рационального осмысления текст, существующий на уровне чувственного восприятия. Возникавшие здесь великие идеи — христианство и ислам, способные объединить всех людей, взаимодействовали, боролись, но так и остались каждая самодостаточной. И если и сложилось нечто определяющее единство народов, населяющих Сирию, то это бережно оберегаемая привязанность к семье, роду, племени, религиозным святыням, вере отцов. Из хозяйственных факторов таковой являлась торговля, однако она развивалась в пределах четырех относительно независимых друг от друга экономических зон, векторы внешних связей которых были направлены не друг к другу, а во вне.

Таким образом, к началу XX в., наряду с цивилизационными принципами идентичности, не меньшее место в сознании людей занимали локальные. Это обстоятельство в начале XX в. весьма осложняло формирование сирийской государственности. Лишь в 30-е гг. XX в. в среде политической элиты Сирии появились интеллектуалы, осознавшие суть проблемы и приступившие к постижению логики сходства сирийцев и ее пропаганде. Наиболее известными пропагандистами единства населения Сирии стали Сати аль-Хусри, Саадаллах аль-Джабри, Заки аль-Арсузи, Мишель Афляк, Антуан Сааде, Эдмонд Раббах и ряд других [9. С. 159—172]. Что же общего можно выделить в казалось застывшем в нерациональном, чувственном подтексте, объединявшем население Сирии в некую самобытную часть Великой Сирии. На наш взгляд, такая общность базировалась на ряде факторов, в том числе:

— господство философской традиции над научным знанием, в соответствии с которым сакральные знания о сущности всех вещей признавались неоспоримыми, незыблемыми;

— приверженность кровному и религиозному родству, в результате чего отношения людей определялись дихотомическими парами «свой — чужой», «наш — не наш», «друг — враг»;

— архаичность общественного сознания, выражающаяся в признании права «больших людей» определять политические предпочтения «маленького человека» вплоть до уровня их «естественного права», вытекающего из житейской мудрости, доминирующей над мироосмысливающим знанием;

- организация общественных связей на основе патрон-клиентных отношений, пронизывающих также и все сферы государственной жизни;
- внегосударственное бытие той части населения сельской периферии, которая занималась кочевым скотоводством;
- признание отдельными религиозными общинами права других на плюралистическое понимание мира. До младотурецкой революции это право фиксировалось институтом миллета.

Ко времени распада Османской империи население Сирии представляло собой мозаику этноконфессиональных общин, каждая из которых обладала набором определенных признаков идентичности как разъединяющих, так и объединяющих их. Эти признаки условно можно разделить на локальные и цивилизационные. Локальная составляющая самосознания отдельных общностей населения Сирии наиболее тесно была связана с религиозной компонентой, являющейся ядром цивилизации. Однако в то время как в западных обществах это обстоятельство укрепляло взаимную солидарность людей, в полиэтнической, полирелигиозной Сирии оно скорее разъединяло ее население, чем объединяло. Для населения Сирии была характерна несомненная глубокая общность эмпирического вненационального, внеэкономического подтекста единства, при явном недостатке рационального, смыслового, научного отношения к окружающей действительности. Она сложилась в течение веков совместного бытия этносов и конфессий, побуждавшего людей к взаимной терпимости, поиску компромиссов. В ходе этого бытия сформировалась несвойственная Западу утонченность эмоциональной сферы отношений между людьми, легко поднимаемая волна восторга и комплиментарных оценок в связи с достигнутым успехом, высокая мобильность населения в рамках рода, клана, племени, конфессии. Однако указанные факторы идентичности могли также быть приглушены, уступали место локальным, замешанным на религиозном экстремизме, социальных или экономических обидах. В этом случае на первый план выходило «оскорбленное» самосознание, происходил психологический срыв и накат коллективной жестокости по отношению к «чужим», «ненашим», возникали различные фобии, этнические и религиозные конфликты, единство населения разрушалось.

В начале XX в. активизация локальных и цивилизационных признаков идентичности арабов-мусульман послужила основой возрождения их национального самосознания, формирования арабского национализма, а после развала Османской империи — их претензий на роль государственно образующего ядра. Активизация этих же признаков идентичности этноконфессиональных меньшинств Сирии стала основой роста автономистских настроений, чем воспользовались французы, получившие мандат на управление Сирией. Это же обстоятельство необычайно осложняло борьбу сирийских националистов за территориальную целостность Сирии и ее суверенитет.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Ранчинский В.П.* Сирийские националисты и идея Великой Сирии между мировыми войнами. — Всеобщая история. Современные исследования. Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 12. — Брянск, 2003.

- [2] *Ранчинский В.П.* Сирия в начале XX века: этноконфессиональные общины и проблема национального единства. — Брянск, 2004.
- [3] *Бартольд В.В.* Культура мусульманства. — М., 1998.
- [4] *Штерениис М.* История государства Израиль 1896—2002. Герцлия. — Иера Дон, 2003.
- [5] *Christian Communities in the Arab Middle East. The Challen — de of the Future.* Claredon Press. — Oxford, 1998.
- [6] *Захир Наджи.* Мушкиля Искандарун ва-ль-алякат ад-даулия (на арабском яз.). — Дамаск, 1953.
- [7] *Jubser Peter.* Minorities in Isolation: The Druze of Iebanon and Syria. — The Political Rule of Minority Jroups in the Middle East. — N.Y., 1979.
- [8] *Эрнест Ренан.* Апостолы. Репринтное воспроизведение издания Н. Глаголева. — Ярославль, 1991.
- [9] *Ранчинский В.П.* Интеллигенция и средние слои в политической жизни Сирии периода французского мандата. — Всеобщая история: современные исследования. Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 14. — Брянск, 2005.

THE ETNIC AND CONFESSIONAL STRUCTURE OF THE POSTOSMANIAN SYRIAN POPULATION AND THE PECULIARITIES OF ITS SELF-IDENTIFICATION

R.P. Ranchinski

State University of Bryansk
Bedzitskaya St., 14, Bryansk, Russia, 241036

The article deals with the analysis of ethnic and confessional structure of the postosmanian Syrian population, its diversity and common features.